

Материнство, отцовство, семья и гендерная идентичность как объекты исследований в психологии, педагогике, культурологии, лингводидактике

М.Я. Мацевич, В.В. Валейтёнок

МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ В ЭПОХУ ГЕНДЕРНОГО БЕСПОКОЙСТВА

Данная статья экстраполирует отношение современной Церкви к социальной проблематике. С другой стороны, под рубрикой о современных типах и особенностях гендерной коммуникации обращается внимание на особое значение и статус нынешних гуманитарных наук.

Понимание сегодня христианином указанной проблематики не может основываться на приблизительной оценке растиражированных и популярных научных монографий, ни тем более на упрощенных готовых суждениях. Именно в связи с критическим анализом тех или иных модных идеологических веяний еще Папа Павел IV на Синоде епископов в 1974 году указывал, что истинный христианин должен черпать надлежащие принципы и оценки из веры, чтобы избежать соблазна и определиться в рамках системы, чью ограниченность и релятивность он рискует заметить слишком поздно, если не постигнет ее источник. Находясь выше любой системы, воистину верующий самой сутью своих взглядов утверждает особое значение религиозного взгляда в преобразовании общества. Еще в те годы Папа Павел IV справедливо отмечал опасность неоправданной ограниченности, заложенной в гуманитарных науках, ибо каждая научная дисциплина по своему характеру может указать лишь на частный, хотя и подлинный аспект человеческой жизни: всеобщий смысл всегда ускользал от нее.

Когда мы сегодня читаем о многообразии средств современной коммуникации, то центральное место следует уделять не культуре, гендеру, языку, а участию различных форм культуры в «евангелизации» мира. Необходимо продолжение усилий, направленных на обретение каждой частной Церковью своего собственного лица. В целях лучшего служения народу Божьему в определенных регионах должны проводиться углубленные исследования местных обычаев и традиций. Христианство, да и любая другая мировая религия, не могут быть наложением веры на изначальную данность определенной нации или на определенный пол. Вера должна впитывать в себя культуру и историю народа, «метафизику» пола, способствуя их очищению и возвышению.

Для одних культур характерно рациональное, логическое мышление; мышление других, напротив, состоит из игры образов, корни которой уходят в эмоциональное восприятие. Ментальность разных стран совершенно различна. Одни мыслят на основании силлогизмов, другие исходят из образов, символов. В зависимости от ментальности народа отличаются и восприятие пола, самого человека в целом. Отсюда по-разному протекает религиозная жизнь и по-разному обязаны протекать пастырство, катехизация.

По мере роста личного сознания и принятия принципа разнообразия остро возрастает потребность в плюрализации мнений. Как можно удовлетворить ее внутри единства веры и церковного общения? Каким образом христианская жизнь может включить в себя жизнь нации, уважая ее общественные ценности и образ мыслей? Проблема возникает не только в связи с верой, в связи с ростом прогресса, многообразием форм научного знания, которые должны быть адекватно переданы, но и в связи с человеком в целом, с человеком, который больше или меньше открыт и непрозрачен для веры. Диалог различных форм культуры коммуникации и диалог религий совершенно неразделимы. Ибо каждая культура, каждая форма коммуникации несут в себе отпечаток религии или даже напрямую зависят от нее. Сегодня можно встретить сентенции даже о различиях гендерных стереотипов в понимании и восприятии молчания. Отмечается, что женщины молчат иначе, нежели мужчины.

Однако истинное понимание ценности онтологии или иначе философии бытия человеческого языка описывалось еще М. Хайдеггером, который подытожил свои размышления, навеянные чтением Ф. Гёльдерлина и Р. Рильке, в «Письме о гуманизме»: «Язык есть дом бытия». Подобное утверждение сложно перевести на язык абстрактных понятий, но, несомненно, оно выражает чрезвычайно глубокую интуицию. И, как бы подобное не казалось парадоксальным, лишь исходя из понимания значимости и реальности языка на уровне философии бытия, значимости не только языка, но и слова как такового, нам может открыться то, что имеют в виду в своих молитвах исихасты, говоря о тишине.

Конечно, с точки зрения враждебно настроенного критика или, иными словами, с точки зрения эмпирической и эволюционной традиции, уходящей корнями в минувшее столетие, или даже ещё глубже в философию XVIII века, метафизика тишины исихастов, метафизика тишины синергической антропологии С.С. Хоружего лишены всякого смысла, они попросту абсурдны. Ибо для эмпирической философии слово как таковое есть лишь разновидность знака. Но ведь еще Вильгельм фон Гумбольдт убедительно установил, что язык нельзя свести просто к системе знаков. По его мнению, к языку следует относиться как к благу, дарованному человеческому существу как таковому. Если признать эту позицию Гумбольд-

Материнство, отцовство, семья и гендерная идентичность как объекты исследований в психологии, педагогике, культурологии, лингводидактике

та, то немедленно приходит понимание или, по крайней мере, ощущение уместности рассуждений о слове как таковом, исходящем из полноты безмолвия, и каким образом эта полнота тишины наделяет слово его законной силой. Как древние исихасты, так и многие католические мистики отмечали, что, когда беседуют два человеческих существа, всегда присутствует и третий, «Тишина». Однако подобное утверждение постижимо умом, только когда мы различаем речь в её подлинном смысле, а не просто «толки». Когда два субъекта всего лишь толкуют, то нет больше и третьего слушателя, или «слушающей тишины», возможно, потому, что в обмене словами участвует уже не реальный человек, а нечто «автоматоподобное». Более того, отмеченное сумел ясно разглядеть Хайдеггер: речь сегодня всё в большей мере склонна вырождаться в «толки». Не разобравшись с тишиной, не научившись молчать, мы бесцеремонно пытаемся рассуждать, назидать, учить, доказывать. И, принимая вышеозначенное во внимание, становится всё сложнее распознать ценность тишины: её онтологическое свойство, её глубину бытия или глубину в бытии. Взаимосвязь тишины и любви, тишины и веры, тишины и поэзии настолько сегодня труднодоступны, насколько мы утратили понимание смысла «созерцания», да и само слово «созерцание» для многих современников стало мёртвым.

Мы изначально находимся в жизненном мире, и в то же время в естественности нашей жизни жизненный мир оказывается недоступным нам, «вжитым» в этот мир. В своей знаменитой работе «Кризис европейского человечества и философии» Э. Гуссерль подчеркивал, что естественная жизнь характеризуется как наивная именно благодаря своей «вживости» в мир, в мир, который всегда определённым образом осознан как наличествующий универсальный горизонт, но не «тематизирован». Чтобы осознать реальность существования жизненного мира, необходимо преодолеть естественную установку, хотя последняя и реализуется в самом жизненном мире.

Вначале индивид конструирует смысл этой реальности, а затем находит себя в ней. Один из последователей Гуссерля, феноменолог А. Шюц считал, что жизненный мир – это «смысловой универсум», «совокупность значений», которые мы должны интерпретировать для того, чтобы обрести опору в этом мире. Но может ли жизненный мир как объективная реальность стать объектом рефлексии, ведь, как справедливо отмечалось философом: перед нами жизненный мир предстаёт в нашем собственном переживании и нашей интерпретации? Тогда возникает еще вопрос, как реализуется переход от индивидуального представления о жизненном мире к жизненному миру как объективной реальности. Без ответа на данный вопрос применение феноменологического метода в социологических дисциплинах оказывалось затруднительным. Разрешить данную проблему попытался А. Шюц. Необходимо было выявить точки пересечения различных субъективных представлений о жизненном мире, которые одновременно являются точками генезиса объективности жизненного мира. В связи с этим именно конструкты повседневного мышления должны стать основанием для структуризации жизненного мира. А в 1965 году физик Д.С. Белл в теореме «О нелокальности причин» показал, что не существует изолированных систем, что системы даже разделенные на части, разделенные расстояниями, внешними силами, функционируют как система единая. На основании «социологии повседневности» Шюца можно также обосновать, что мир, реальность едины, представляют собой неделимую целостность, состоящую не только во взаимосвязи с составными элементами, но в действительности являющуюся одной и той же «вещью», «конечной смысловой областью».

В некотором смысле молчание и особенно «тишина созерцания» объединяют между собой прошлое, настоящее и будущее. Любовь, с другой стороны, находит собственное выражение в тишине в большей степени, чем в речи; и сам этот факт позволяет понять насколько люди, влюблённые друг в друга, возносятся выше простой временности, способности к коммуникации, половой самоидентификации. Дары предчувствия и ясновидения, которыми порой наделены возлюбленные, уходят своими корнями именно в эту, с одной стороны, коммуникативную непроницаемость тишины, с другой стороны, вообще ее надвременность.

Можно пойти ещё дальше; именно в тишине возникает возможность отыскать ту естественную почву, на которой вера смогла бы дать свои ростки, или те изначальные основания, на которых она смогла бы обрести себе опору. Безмолвие в качестве буфера вклинивается между беззвучным событием Воплощения и человеческим существом. Таким образом, приближаясь к Богу, человек приближается к окутывающей Его тишине. То, что таинство веры всегда покрыто аурой тишины, свидетельствует о любви Бога. Но, с другой стороны, наш мир становится всё более секуляризованным. И чем больше он страдает от кощунства и святотатства слова, гендера, которые сейчас, когда больше ничто не свято, перестали означать что либо, тем выше риск, что представленная статья также является набором бессмысленных конструкций из пустопорожних слов.

Материнство, отцовство, семья и гендерная идентичность как объекты исследований в психологии, педагогике, культурологии, лингводидактике

Мистик, философ, богослов, знающие ценность слова, находят сначала это слово в самом себе, потому что все знание, которое человек обретает в мире, герменевтически-структуралистски есть знание себя. Музыка исполняется внешне, но где она создается? Она создается внутри. Однако человеку свойственно ошибаться. Вместо того чтобы искать «осознание» внутри, он всегда хочет найти его снаружи. Поэтому большей частью мы и не «слышим» друг друга. Внешний звук становится слышим только потому, что возникает звук внутренний, а когда звук внутри замолкает, тогда тело и ум не в состоянии слышать звук внешний.

Таким образом, в современных условиях развития при соотношении образования и культуры, этики и эстетики доминанта должна отдаваться собственно человеческому. Человек сам, по своей сути должен стать феноменом культуры, где последняя мыслится не как знание, а как поиск, возможность реализации личности в культуротворческом процессе. Ибо уникальность - не в природе ума, характера, а в природе понимания, «слушания».

Легендарная надпись на вратах Академии, основанной Платоном почти две с половиной тысячи лет назад, гласила: «Не геометр да не войдет!». Казалось бы, какое право было у Платона на такие слова: что существенного сам он сделал для геометрии? Но дело вовсе не в том, что Платон дал геометрии, а в том, что геометрия, логика дали Платону. Согласно Платону, знание возникает в нас в результате не научения, а припоминания. Из этого следует центральный пункт платонизма: существует мир идей, находясь в котором до своего воплощения, душа приобрела свои знания. Он демонстрирует, что знания о геометрических фигурах не приобретаются, а имеются в человеке в готовом виде, и их нужно только уметь извлечь. «Воображение важнее знания», - считал и А. Эйнштейн.

Интеллект, логика – знания, получаемые через имена и формы. Мудрость – знание, проявляющее себя только из внутреннего существа. Логика – это знание, которое необходимо для того, чтобы смотреть во внешний мир, но свет мудрости необходим для того, чтобы смотреть через внешний мир во внутренний. Вот почему многие религиозные термины не имеют эквивалента в европейских языках. Это выражение глубокого духовного переживания. До недавнего времени материя была вполне определена, на нее можно было положиться. Теперь ученые больше не настаивают на этом, потому что знают - там, куда привели их исследования, устойчивость крайне поверхностна. Где есть неопределенность, там непременно присутствует и осознанность; иначе неопределенности не будет. Неопределенность есть часть сознания, определенность же – часть материи. Неопределенность начинается по мере продвижения вглубь материи. Наука говорит, что материя – это иллюзия, возникшая вследствие движения энергии на огромных скоростях. Все зависит от скорости вращения. Энергия, вращающаяся на высокой скорости, похожа на материю.

Диалог различных форм культуры и диалог религий должны основываться на серьезной информации, то есть на объективном и подтвержденном серьезными источниками знании культуры, отличающейся от нашей собственной или благодаря своему географическому положению, или благодаря своей идеологии. Препятствия, которые придется преодолеть, – это прежде всего неоправданная склонность к компромиссам, и, наоборот, непреклонное упорство в стремлении отстаивать свои убеждения. Нужно стремиться понимать, не принимая, и спорить, не отступая. Подобный диалог требует постоянных усилий разума, усилий, основанных на точном, проверенном знании не только различных теорий, но и тех последствий, которые могут быть вызваны этими теориями

Река времени течет не в сторону прогресса или регресса. Вместо них наблюдается внутренняя неоднородность истории. Однако диалог о приоритетах плюрализма рационалистических моделей не должен превратиться в модели создания лживых логических альтернатив, лживых силлогизмов, где через усиление малой посылки вводится ложь большой. Рационализация европейской культуры есть прямое энергетическое приобщение к самостной гордыне демонического, «попытке стать богами, не став прежде людьми» (К. Тертуллиан).

Динамика исторического развития культуры состоит в том, что всякое рациональное, научное описание упирается в неизбежность бинарной оппозиции. В полном соответствии с установками на рациональность, Возрождение подражало Античности, Новое время – естественному механицизму, классицизм подражал эпохе Возрождения, модернизм - ... Так мы дошли до «Постмодерна», который есть не что иное, как «подражание подражанию».

И получается, что первая точка, в которой лежит основание для мышления – это Бог и Богооткровенное Слово. «Будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые бы льстили слуху» (2 Тим. 4:3).